

Н. Русова, В. Шевцов

«Годы, люди и народы...»

Хлебников — один из создателей русского футуризма («будетлянства»), человек с нелегкой судьбой (он умер в пушкинском возрасте в глухой провинции, не дождавшись врачебной помощи) и с изломанной психикой (к примеру, самого себя он пожаловал титулом «Председателя Земного Шара» и с гордостью нес это почетное звание). Свою поэтику он строил вопреки всем мыслимым законам организации текста: отказался от целостного лирического героя, от общеязыковой лексики (предпочитая архаизмы и окказионализмы; всевозможные «бобэоби» и «крылышкуя золотиписьмом» и в наше время вызывают недоумение у неискушенного читателя), от традиционных связей между уже существующими в языке словами; намеренно разрушал логическую последовательность в развертывании образов, смешивал как попало стихотворные размеры в пределах небольших речевых отрезков. Так что приведенное стихотворение в силу своей формальной прозрачности, строго говоря, не характерно для Хлебникова. Зато с содержательной стороны оно как нельзя лучше отражает философские построения поэта, созвучные идеям буддизма и других восточных религий.

В стихотворении нет духовного просвета. «Природа», занимающая место Бога в хлебниковской модели мира, бесследно поглощает целые народы и то время, в котором они живут. Зачем? Очевидно, чтобы возродить их заново (сравнение с «текучей водой» — дань поэтической условности, для понимания смысла оно ничего не дает): если в христианстве время представляется однонаправленным вектором, то для Хлебникова оно циклично. Даже «боги» являются «призраками» вселенской «тьмы» (вспомним «День и ночь» Тютчева, а заодно и мифологический Эреб — первородящий хаос — древних греков, существовавший еще до появления Хроноса — времени): они будут бесконечно умирать и рождаться, так и не подарив миру Благой Вести. Так что люди, уподобленные рыбам, попавшим в невод, находятся в вечном плену у безликого космоса с его далекими холодными звездами. Любое проявление активности бесполезно: не глупо ли пытаться ускользнуть из невода на волю, когда и воли-то никакой нет? Что же остается человеку? Просто размышлять над законами мироздания, как сам Хлебников, и ждать забвения — с печальным достоинством...

Замечательно, что поэту удалось полно и непротиворечиво представить целую мировоззренческую систему на протяжении всего лишь шести строчек. Аскетизм выразительных средств скрашивается здесь ритмической магией четырехстопного хорея.